

Ю.И. Ермилов

Арт-теоретик, художник, иконописец, теолог, преподаватель ИХУ им. М.И. Малютина

Вера, религиозность, атеизм и суеверие

В статье рассматриваются сравнительные характеристики веры, религиозности, атеизма и суеверия и их место в современной церковной практике.

Ключевые слова: вера, религиозность, атеизм, суеверие, культ, народная вера.

Время сейчас меняет многое, часто на свою содержательную противоположность, при сохранении внешней оболочки с прежним названием. Например, понятие «школа», которая фактически, давным давно совсем не школа. Кто-то восхищается этим бегом хронологии, считая, что все культурные потери, возникшие в его потоке, не стоят и капли нового мира, который уже ни в какой культуре не нуждается. Но если серьезно, то не время, а ход истории делает некоторые изменения необратимыми. И необходимыми. Нас интересуют только те, что без сомнения возникли из настоящей необходимости. Эта необходимость исходит не из внешних сил давления чего-то постороннего, а из внутренней потребности собственного автономного развития.

Многое меняется в манере научного и культурного поведения. Сейчас культработники старшего поколения, пребывающие постоянно в состоянии восхищения и эмоционального экстаза, уже не вызывают полного доверия. Их искренне уважают. Несмотря на их колоссальные заслуги перед обществом и музейным делом, их равное ко всему культурному полю гиперболическое восхищение и восторг показывают и общую не критичность к собственному детищу, и любое культурное начинание углубленного не по старой схеме типа вызывает у них бурную отрицательную реакцию. Они, например, не понимают, как можно разбирать и анализировать произведение великого художника с реально критической точки зрения. Великим мастером можно лишь восхищаться. Для нового поколения искусствоведов и арт-теоретиков преклонение перед шедевром если и есть, то имеет

совершенно иной смысл. И заключен он не в эмоциональном взрыве, а в реально серьезном желании понять все ходы и причины определенного творческого «я».

В советской публицистике часто звучало словосочетание «религиозные суеверия». Имелось в виду, что всякий, погруженный каким-то образом в религиозные проблемы, был уже морально и граждански ущербным, потому что фраза эта имела заведомо негативный контекст. То, что вкладывалось в реальный смысл этих слов, подразумевало неразрешимое противоречие наложения значений друг на друга: религиозность и суеверие - противоположные качества личности. Ходовой социалистический термин был придуман безграмотным или полуграмотным недоучкой, но работал так, как этого требовала тогдашняя жизнь.

Еще В. Г. Белинский в знаменитом «Письме к Н.В. Гоголю» писал, что «...русский народ не религиозен, а суеверен». В девятнадцатом столетии спутать подобные понятия было невозможно. Религиозностью тогда считалась способность человека вступать в реальную связь с Высшим через молитву и таинства, делая это не самостийно, а «правильно», то есть в пределах определенного канона. Причем, совершенно не учитывался тот факт, что эта связь может быть еретической, иллюзорной, неканонической, или просто выдуманной по личному произволу. Считалось, что это либо исключено, либо бывает столь редко, что не имеет практического значения. Суеверием, как и сейчас, считалась «суетная вера», то есть система заведомо придуманных правил, почерпнутых из самых разных культовых и фантазий-

ных источников, якобы гарантирующих получение от предмета поклонения требуемого ответа в виде материального знака. Сделаешь так, да так, и будет тебе то-то и то-то. Вообще, все, связанное с историческим христианством в разные эпохи, особенно начиная с эпохи Просвещения и ближе к нам, несет на себе налет терминологической необязательности и даже произвола, что позволяет и позволяло уже в давние времена вкладывать в определение самое разное, даже противоположное значение.

Сейчас очень часто в телесериалах звучит стандартная фраза: «Так ты ее не любишь? А я думал, что ты в нее влюблен!». В данном случае ясно, что уравнивание «любишь» и «влюблен» - понятий разной и даже несовместимой степени значимости, делается совсем не случайно. Намеренно облегчается понятийное содержание главного слова - любить, сведенное к влюбленности. Любовь - одно из высших проявлений человеческой души, желаемое всеми и доступное единицам. Точно так же в свое время взаимозаменяли веру и религиозность, а потом - религиозность и суеверие. И какой бы искусственной ни была когда-то эта процедура, она в какой-то мере отражала неустойчивость духовной константы миропонимания и полную профанность тех, кто начисто отрицает нематериальную линию в жизни людей, но активно пользуется соответствующим терминологическим арсеналом. Стоит отметить, что рассуждения на тему всего, что реально охватывает духовную сферу личности, очень любят именно те, кто принципиально далек от сакральных проблем. Попросту хозяйничать в чужом монастыре, да еще со своим уставом, но с чужой терминологией, им вполне допустимо. И мы, например, знаем, что психиатрическая концепция Снежневского, родившаяся из этой расплывчатой основы, введенная как обязательный элемент судебной психиатрии, считала веру и религиозность признаком психического заболевания. То есть два разных, по сути - противоположных - качества считались одинаковой причиной социальной деструкции личности. А ведь это все равно, что уравнивать по смыслу работу и воровство, и назвать их одним словом - «добыча».

Сейчас путать веру и религиозность уже вряд ли допустимо. Они настолько различны и определены, что выражают совершенно разные способности и наклонности человека. Время показало, как это неадекватное уравнивание искажает суть главного, что составляет порой важнейшую платформу человеческого стремле-

ния к реальному овладению духовными сокровищами метафизического и мистического опыта. Несмотря на это, большинство церковных деятелей до сих пор произвольно путают два малосовместимых термина, в которых к нынешнему времени сложилось четкое внутреннее и даже внешнее различие. Говоря: «религиозные люди» и религиозные деятели», подразумевают под «религиозным» совершенно разную содержательную и смысловую наполненность. Религиозные деятели имеют дело с различными конфессиональными и культовыми системами как профессионалы своего дела, их деятельность может носить и чисто богословский, и пастырский, и сугубо организационный характер. В данном случае определение «религиозный» ничего не говорит о характере отношений этого деятеля с Богом или Высшим началом. Религиозные люди - это те, кто особым образом лично интерпретирует весь круг внутренних и внешних сакральных проблем. И совершенно не важно, человек набожный, богомольный или уцерковленный: у религиозных этот круг резко сужается до набора праздников и реестра «чудес», некритично воспринимаемых как признак присутствия в окружающей реальности безусловно не мирского на фоне повседневного бытия. И обычно именно религиозные люди некритично относятся к всякого рода сказкам о «чудесах», которые или бездарно придуманы неверующими, или имеют простое научное объяснение. К радости именно религиозных прихожан существует обширнейшая литература, удовлетворяющая нехитрые потребности их духовных запросов. Литература, никак не приближающая к Богу, к действительным духовным проблемам, к реальным нестроениям в жизни приходов и церковных людей.

Недавно в новостях интернета появился материал, который свидетельствует о том, что монах, якобы проживший в монастыре более двадцати лет, пришел к выводу, что никакого Бога нет и что все библейские бредни - это сказания скотоводческих племен Ближнего Востока. Насчет племен, это из арсенала известного журналиста Александра Невзорова, который до сих пор никак не может хоть сколько-то повысить свою общую и библейскую грамотность. Что же нам сразу говорит, что данная «информация» - как минимум, выдумка, причем сделана она, конечно же, не монахом и даже не просто церковным человеком, а каким-то недоучкой из мира, далекого от проблем и веры и религии, и даже от суеверия. Если точнее, то для автора данного сюжета нет никакой разни-

цы между верой, религией, религиозностью и суеверием.

Представьте себе кого-то, кто всю жизнь пел, имел музыкальный слух, и вдруг понял (в результате длительных рассуждений и наблюдений), что музыка - зло, грех, опиум для души и ненужное дополнение к жизни. Он перестал петь, слушать музыку, уничтожил все свои музыкальные раритеты , технику и записи, и отказался от своего музыкального слуха. Последнее, вообще-то, невозможно: как ни отказывайся, а слух никуда не денется! Как и вера, дающаяся по благодати свыше, подобно музыкальному слуху, неистребима никакими логическими доводами и системой безупречных доказательств. А оными могут заниматься лишь те, кто не в состоянии различать, что такое вера, и что такое религиозность. И, конечно же, им невдомек, что именно религиозность, хоть и с трудом, но можно переубедить и заставить ее слушать все, что угодно, воспринимая «аргументацию» логического характера как нечто действительное. А веру как одно из феноменальных и редкостных даров Бога человеку, уничтожить вообще нельзя.

Можно и нужно учить детей и взрослых начаткам канонического знания. Если нужно - основам культа и религиозной грамоты. Вере научить нельзя! И хотя Царство Божие силою берется, молитва «Господи, дай мне веры!» уместна всегда и нужна внутренней жизни каждого христианина.

Можно даже допустить, что был какой-то реальный монах, лишенный дара веры, но прилежно религиозный, который на склоне лет просто устал «искать Бога» в поле своей храмовой и монашеской деятельности. Потому что не нашел Его там , где искал. Но причем здесь скотоводческие племена? И их сказания? Неужели нормальный человек допускает, что происхождение Священного Писания по концепции религиозных дилетантов, то есть именно так, как некоторые «исследователи» интерпретируют Библию, может стать для верующего аргументированным рубежом веры и неверия?

Но вернемся к началу статьи. Можно ли сейчас церковному человеку понять термин «религиозное суеверие»? Конечно, можно! Только понимать его надо не по канонам законов СМИ, как во времена журнала «Наука и религия», не как некий социальный ярлык, а в прямом соответствии со смыслом и значением элементов этого словосочетания. Религиозным суеверием можно считать церковные догматику

и обрядность, доведенные до состояния крайнего примитива и неадекватности в силу специфически индивидуальных свойств данной личности. Это свойство связано не столько с сознательной канонической безграмотностью, сколько с внутренне присущей гордыней характера. По сути - это одна из форм греха. Религиозный суевер всегда доволен собой, его исповедальное покаяние никогда не бывает раскаянием. И это - серьезная болезнь нашего времени. Она становится признаком воцерковленного прихожанина. Катехизическая работа здесь безусловно необходима, но ее недостаточно. Расширение богословского сознания и духовных потребностей рядовых церковных мирян лежит, прежде всего, в атмосфере храма. В его внутренней структуре, которую невозможно изменить привнесением новшеств или традиционных черт. В реальной церковной красоте богослужения, лишенной атеистических эмоций и «красот», с четким ритмом без пауз и задержек, с пением, наложенным на последние звуки возгласа. С проповедью, по времени и содержанию совпадающей с ритмом и пространством службы.

Так называемая «народная вера» - не что иное, как система тщательно выбранных суеверий из неисчерпаемого кладезя Церковного предания, смешанного с остатками языческих обрядовых навыков, превращенных в условную систему культовых знаков, которые особо почитаются в «народе». Под народом здесь подразумевается стихийно самообразовавшийся особый тип ментальной «простонародности», свойственный жизненному вкусу определенного круга лиц, но давно не соответствующей реалиям их образования и общей культуры.

Что до атеизма, то тут открытий - непочатый край. Давно принято считать, что атеизм - чисто религиозное явление со всеми его сомнительными признаками и активностью действий. Борьба против того, чего нет, то есть против Бога, как-то странно и нелогично. Значит борьба, скорее всего, идет не против Бога, не против веры, а между религиями классического пантеона и между религией безбожия. Что, кстати, не делает ее несколько более светской, чем протестантизм или сектантство. Но упрощение проблемы атеистического мировоззрения до сих пор ставит людей самой разной социальной и духовной ориентации в научный и педагогический тупик. Каким-то образом безбожие в виде сформулированного внутреннего правила широко распространено в среде нашей

и зарубежной молодежи. Не безразличие к Богообщению или к идее Бога, а именно их активное сознательное неприятие. Механизм подобного явления можно довольно красиво и стройно вывести как гуманитарную гипотезу, но это не решит никаких проблем и не объяснит причины и корни подобного явления. Но что-то можно попытаться объяснить, хотя нет никакой гарантии, что путь рассуждения, основанного на ежедневном внимательном наблюдении, может иметь пропуски и грубые ошибки. Наблюдая за повседневной жизнью юного поколения, протекающей в творческом учебном заведении, замечаешь, что студенты, резко отличающиеся от большинства одногодков талантом и способностью видеть в мире нечто более значительное и важное, чем основная масса сверстников, стараются свои особенности внешне подогнать под общий стандарт современной «традиции» поведения и озвученных запросов «по жизни». Если сравнить внешние манеры и «прикид» творческой молодежи с демонстративной ментальностью условно-поведенческих групп того же возраста, тех, кто имеет знаковую читаемую внешность или специфическую манеру общественно-го поведения, то очевидно, что музыканты-художники-литераторы не столь ярки внешне и определяемы по профессиональным признакам. То есть на них менее всего наложены некоторые обесмысливающие знаки времени. И это как бы неплохо. Но дело в том, что не стыдись своей творческой склонности, можно все-таки отодвинуть ее чуть дальше от собственного духовного ядра, и именно это смещение личностной основы «чуть-чуть» на периферию собственной природы оставляет в душе загадочную лагуну, ничем не заполненную. И она заполняется... атеизмом. Разбирая собственные закрома общения со студентами, убеждаешься, что главную роль в этом печальном явлении играет не провал в культурном образовании, а наличие с детства - «на слуху» и постоянно - амбивалентных фраз, которые врезаются в сознание ребенка-юноши-взрослого намертво и на всю жизнь на уровне условного рефлекса. Когда молодость периодически слышит: «верующий, набожный, религиозный, суеверный, религиозный мракобес, церковная крыса, богомольный, молитвенник» – и все это в виде якобы прямых синонимов, которые без ущерба для смысла вполне взаимозаменяемы и выполняют одну главную функцию дают импрессионистическую картину церковной жизни в России. Они пред-

ставляют миру все, связанное с Церковью и Богом, чем-то противоестественным, недоразвитым, недоделанным, искусственно ограниченным и напоминающим духовную тюрьму, которая мешает наслаждаться жизнью. Чем-то таким, что как минимум неприятно и неудобно для повседневности.

За свою двадцатилетнюю преподавательскую практику из многих сотен студентов было обнаружено лишь несколько, кто не стыдился своей веры и находил в себе мужество не скрывать своего живого и действенного интереса к подлинной духовности. Не той, которая сворована у Церкви в безбожные времена и амбивалентно прикрывает и оправдывает теологическую бездарность деятелей культуры, а реально действующей через Святого Духа в человеке. Набившая оскомину привычка расхлябанно и разгильдяйски распоряжаться русским языком имеет своей причиной не только умственную халтуру и языковую лень, не только криминальную мировоззренческую подоплеку, но и подспудное желание как бы естественным путем «освободить» жизнь от всего доброго, самоотверженного, наполненного реальным мощным содержанием.

Что же делает церковных людей более незащитными перед лицом опасности «из-за угла»? Воинствующий религиозный атеизм внешнего мира или внутрицерковное приходское суеверие, процветающее в некоторых общинах на совершенно неканонической основе, непростительное в эпоху сплошной грамотности и отсутствия дефицита соответствующей литературы? Здесь приходится делать вывод о непредсказуемости церковно-общинного сознания, которое само по себе в силу таинственных причин продолжает вырабатывать свои правила поведения, никак не соответствующие букве и духу Православия. Время церковного романтизма девяностых безвозвратно ушло. Остались самые верные, неколеблующиеся и сознательно спокойные в своей воцерковленности. А с ними и те, кто по инерции остался там, где им комфортно и спокойно. Им предстоит долгая и тяжелая работа выстраивания и укоренения прямого канонического пути становления психологии приходов. Эти приходы – далекая и незаменимая надежда России. Бог им и нам в помощь!

©Ермилов Ю.И., 2020